

ВЛАСТЕЛИНА
БОГАТОВА

КАКАЗАННАЯ
ЖЕНА ДРАКОНА

Властелина Богатова

**Наказанная жена Дракона.
Служанка Его Высочества**

«Литнет»

2025

Богатова В.

Наказанная жена Дракона. Служанка Его Высочества /
В. Богатова — «Литнет», 2025

Однажды утром за мной пришла стража и спустила в подвал, где ждал он. Райтфорт, мой муж, будущее и сила империи, наказал меня и подарил цепи — сделав служанкой его замка. Всё больше я начинаю думать, что в медальоне, попавшем в мои руки — смертельная сила, способная остановить врагов или уничтожить того, кто причинил мне боль. А на границе уже бродят аморы — чудовища, жаждущие крови. Спустя время Райтфорт снова требует меня в свои покои. Зачем? Чтобы сломать до конца? Если только раньше я не сгорю от метки истинности или от взгляда того, кто когда-то называл меня своей женой. Выбор один, и я его сделаю. ■#Жестокий властный дракон ■#Добрая нежная героиня ■#Безумное влечение между героями ■#Элементы быта ■#Дарк-фэнтези ХЭ Есть буктрейлер (смотрите во вкладке возле аннотации)

Содержание

1.	5
Визуал	10
2.	11
Визуал	15
3.	16
Визуал	23
4.	24
5.	29
Визуал	33
6.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

1.

Тук. Тук-тук. Тук...

Просыпаюсь от звука, похожего на стук мокрой ветки о стекло. Опять за окном хлещет дождь.

Приоткрываю веки и тяну в себя густой обволакивающий воздух, наполненный запахами мускуса, тёплой мяты и недавней глубокой близости.

Волна горячей неги, как густое вино, играет сладостью на губах, растекается по телу и наполняет тяжестью ноги, между которыми немного болит и одновременно наливается приятной теснотой.

Райтфорд...

Дыхание перехватывает, когда его имя просачивается через сон.

Медленно поворачиваюсь, простыни мягко шелестят по обласканной поцелуями коже. Только огромная постель рядом пуста, простыни холодны с его стороны, но в складках ткани ещё теплится его аромат.

Уже ушел. Я опять проспала.

Он вернулся только вчера и сразу позвал к себе...

Эта ночь была не такой, как предыдущие.

За этот год Райтфорд никогда не касался меня так горячо. Его губы шептали непристойные откровения, а пальцы скользили по моей коже с отчаянной нежностью, будто он боялся, что я рассыплюсь как пепел.

“Райтфорд Морнфелл” на древнем языке драконов, который я изучала украдкой в пыльных фолиантах запретной библиотеки, означало “утреннее падение”.

Осторожно провожу пальцами по смятой подушке. По лопатке скользит щекочущее, как прикосновение пера, тепло, оно дарит волнующее ощущение. Я чувствую это уже неделю, но метка пока ещё не появилась.

Я знаю, что она вот-вот должна раскрыться. Может, после этой ночи...

“Тук-тук. Тук”, — снова настойчивый стук.

Открываю глаза, поворачиваюсь, отрываясь от подушки.

За толстым стеклом в тумане дождя и в самом деле смутная тень, мечущаяся в панике. Витражи искажают очертания, но ясно: что-то живое бьётся внутри.

— Господи... — выдыхаю и подсакиваю, когда понимаю, что это.

Быстро тянусь к ночной сорочке, спешно одеваюсь, сунув стопы в мягкие домашние туфли-лодочки, подхожу к окну.

Распахиваю створку — и леденю, вовсе не от осеннего промозглого ветра.

На подоконнике сизый голубь!

Он хлопает, цепляясь когтями за камни, протягиваю руки и осторожно беру.

— Постой, а это что у тебя?

Только тут замечаю мешочек, прикрепленный к лапе. Развязываю верёвку.

Щупаю содержимое. Что-то осязаемое, круглое.

Нужно отдать Райтфорту, должно быть, что-то важное. Но странно, почему именно в покои, а не в его кабинет?

Внезапный шум за плотно закрытой дверью застаёт врасплох. Это не Райт, который почему-то решил вернуться, хотя обычно так никогда не делал. И не слуги.

Быстро выпускаю птицу на волю, и в тот момент тяжёлая дверь покоев резко распахивается.

Цепенею сжимая мешочек в кулаке, прячу за спину.

В супружескую спальню входят посторонние, сразу трое. Все мужчины: суровые мрачные стражники с холодным оружием.

Один из них выходит вперёд.

Я знаю его — железная рука императора Мартрук. Матёрый медведь со шрамом от щеки через тонкие губы к подбородку. В его взгляде вместо привычного безжизненного холода — хищный блеск стали. Его вид устрашает и даже отвращает.

Липкий пот проступает на моих ладонях.

— Что вы хотите?

— Взять её, — жестко командует он на мой вопрос.

Сердце пропускает удар и ныряет в ледяной омут.

— Что? — пачусь на немеющих ногах, но гул сапог и лязг оружия окружает с обеих сторон, заглушая бешеный грохот моего сердца.

Холодные жёсткие пальцы хватают меня.

— Лучше не оказывать сопротивления, — звенит сталью голос Мартрука.

Я вскидываю полный недоумения взгляд.

— Это приказ его величества, — добавляет он.

Слова словно удар ножом в грудь.

— Что? — срывается с моих губ, тело немеет, колени подгибаются.

Райт приказал меня схватить? Почему?

— Этого не может быть, — роняю я.

Мартрук лишь скептически кривит губы, будто я сказала какую-то чушь, и бросает стражникам:

— Увести.

— За что меня задерживают? Где Райтфорт?! Я хочу с ним поговорить!

Но стены проглотили мои слова, не удостоив ответом. Даже воздух застыл, боясь выдать тайну.

Слуги рассыпались по коридорам, как перепуганные тараканы от света, а стража смотрела на меня с немим укором — будто я была преступником. Их взгляды жгли кожу, и мне хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, сгореть дотла.

Меня вели молча, я думала, мы направляется дракону. Но коридоры сменялись один за другим, становясь уже, темнее, их низкие своды давили, гнали вниз, в чрево замка — туда, где царил сырой мрак.

— Где Райтфорт, куда вы меня ведёте?

Но никто не дает ответа, грубо толкают по каменной лестнице вниз. Холод облизывает лицо ледяным языком, втягиваю в лёгкие запах плесени и страха.

А потом тьма раскрыла пасть.

Подземелье дышало сыростью, пожирало каждого, кто осмеливался войти. Лишь факелы яростно бились против мрака, и от их дрожащего света по стенам плясали безумные тени.

Я очутилась в ловушке.

Сквозняки цеплялись за одежду, а темные земли пугали пустотой.

Кто они все? Что происходит? Где Райтфорт?!

Здесь одно квадратное окно, своды низкого потолка давят могильной плитой, света хватает, чтобы разглядеть массивный стол с какими-то железными предметами, цепи и ремни, висящие на стене. Засохшие капли крови на столе заставляют меня застыть.

Дышу часто, судорожно. Влажный холод наполняет лёгкие свинцом, пробирается под тонкую сорочку.

Вздрагиваю от очередного грохота двери.

Он шагает в камеру, заняв собой почти всё пространство двери своим сильным, тренированным в сражениях телом.

Красивый, высокий, с широкими плечами и узкими бёдрами, на нём распахнутая чёрная туника — как вторая кожа на теле, облегает мышцы, ремни на поясе чуть позвякивают от каждого шага. Райтфорт — бог войны в мужском облики, проходит внутрь, будто он и этот мрак неотделимы.

Ком дурного предчувствия подкатывает к горлу — слова не могу произнести.

Райтфорт встаёт перед столом и наконец смотрит на меня.

Чужой, холодный, не тот, кто нежно любил меня всего пару часов назад. Не понимаю, что изменилось.

В его взгляде нет ответа, только холодная непроницаемая стена. Ни капли сочувствия и тепла в том, что я стою перед ним беззащитная.

— Что происходит, Райт... — облизываю пересохшие губы, называя его так, как называла по ночам. — Я ничего не понимаю, объясни, — в этой холодной тишине столько тяжести, даже колени подгибаются от бессилия.

Взгляд мужчины скользит по моим голым плечам, опускается на грудь.

Смотрю вниз, к щекам мгновенно приливает жар. Вершинки под тонкой тканью откровенно торчат. Я быстро обхватываю себя руками.

— Ты мне больше не нужна, Ливейн. С этого дня ты больше не моя жена.

Воздух застревает в лёгких осколками, стены сужаются, будто стремятся раздавить меня своей тяжестью, как и грудная клетка, что вытесняет воздух. Я сглатываю, моргаю, пытаюсь понять, выстроить цепочку последних событий и того, какой крах ожидает меня после этих слов.

Лихорадочно скольжу взглядом по цепям и ремням, морщусь и сжимаюсь. В империи расторжение связей — самое ужасное, что может случиться с женщиной.

— Но... почему? — с хрипом спрашиваю, язык с трудом ворочается во рту.

Райтфорт закатывает глаза, с пренебрежением и равнодушием. Да, я знаю, что прошёл год и метка истинности так и не появилась, а я так и не подарила ему ребенка. Но я знаю, что он ждёт, говорил, что не это важно для него. Что же изменилось?

— Райт... пожалуйста, мне нужно ещё немного времени, я уверена, что... — во рту пересыхает. — Всё получится, я исправлюсь, я чувствую, что истинность проявится.

— Наша связь оказалась ошибкой, Ливейн, ты пустышка, признай это.

Пустышка? Я? А как же чувства, как же...

Я морщусь, пытаюсь справиться с эмоциями, но у меня плохо получается. Лёд медленно сковывает сердце.

Райтфорт напряжённо сжимает челюсти, будто всё это ему доставляет неудобство, обходит стол и приближается ко мне.

Я хочу отступить, не могу стоять рядом с ним, но ноги к полу приросли.

Аромат мяты и мускуса обдает меня, вызывая горький трепет, что пронимает вместе с ширящейся в моей груди тоской. Так, значит, пахнет предательство?

В лопатку отчаянно отдает импульсом, как будто что-то набухает, желает расцвести, но нет, что-то будто мешает. А теперь уже выжигает несправедливостью. Я знаю, что она должна появиться. Должна... Почему её нет?

Слёзы обиды подступают, но я с упрямством сдерживаю их.

Жду, что сейчас он объяснит всё и скажет, что я дорога ему, потому ночью он меня целовал, называл любимой, шептал признания, что скучал безумно. Почему он так жесток сейчас?

Смотрю на него, ожидая объяснений.

Райтфорт берёт меня за подбородок, надавливая большим пальцем на нижнюю губу, а потом сжимает жёстко моё плечо. Дрожу, хотя в холодном помещении его грубоватые прикос-

новения кажутся безумно горячими. Глупое тело отзывается на его прикосновения, помня всё, готовое утонуть в его объятиях. И я проснусь от страшного сна.

— Закончим с этим, — хрипло бросает он, — я и так потратил на тебя чересчур много времени, — он отдёргивает руку, будто коснулся грязи, чего-то липкого и омерзительного, морщится, затем резко разворачивается и берёт с края стола чёрный кожаный хлыст.

Я вздрагиваю. В горле першит, но всё же выдавливаю:

— Ты ведь говорил... что время для тебя неважно, что ты готов подождать... — морщусь, больно так, будто рану посыпают солью.

Он усмехается, презрительно, не отводя взгляда.

— Ты снова разыгрываешь трагедию. Опять эти страдания, — скалится Райтфорт. Его черты становятся резче, словно высеченные из мрамора, под глазами ложатся зловещие тени, взгляд становится хищным, пронзающим, как клинок, — всегда эта щенячья покорность. Утомительно.

Он приближается, не отводя взгляда:

— Ты — простушка, всю себя наизнанку выворачиваешь, чтобы остаться со мной. Ты не даёшь мне ничего: ни магию, ни истинность, ни наследника. Почему я должен держать тебя рядом с собой? Назови хоть одну причину!

Я отступаю, дрожа, но он давит дальше, голос становится громче, жёстче:

— Я — правитель. Власть. Мне нужно то, что ты не способна дать. Твоя красота? Приятная, но мимолётная. Твоя страсть? Воспламеняется быстро, но стора, — он делает паузу, склонившись ближе. — Знаешь, сколько таких, как ты, жаждут попасть в мою постель? Ты — не исключение. Тебя легко заменить.

Словно плетью по сердцу. В ушах звенит. Воздух становится вязким, каждое дыхание — как глоток боли. Хочется что-то сказать, остановить, но губы не слушаются. Он действительно этого хочет. Он не остановится. И ему не жалко. Ни меня, ни того, что может возродиться между нами.

— Ливейн, — голос звучит ровно, но в нём сквозит ледяная решимость, — так как ты бракованная, я принял решение, окончательное и не подлежащее обсуждению.

Он медленно обводит взглядом орудия на стене — как будто выбирает не приговор, а способ его исполнения. Потом снова смотрит на меня, и его глаза полны холодного безразличия:

— Ты не справилась. Ни с собой, ни с обязанностями, ни со своей ролью. Ты должна была стать моей силой, продолжением, союзом, который укрепит трон. А ты? Ты обуза. Пустая оболочка с красивым лицом. Хватит. Я не намерен больше ждать. Этой ночью я ждал, что ты скажешь мне хорошую новость. Но нет.

Молчание как приговор.

— С этого момента ты — никто. Ты лишаешься всех титулов, привилегий, защиты. Все документы аннулированы. Все слуги будут знать — ты больше не госпожа. Но ты останешься в Лонгарте. Здесь. В этом замке. И не смеешь его покинуть, пока я не разрешу. У тебя будет крыша над головой, еда и одежда. Всё остальное забудь.

Он наклоняется чуть ближе, почти шепчет, как будто хочет обнять, и от этого его слова только больнее:

— Теперь ты — служанка. Ты будешь убирать, подчиняться, молчать. Ты ниже тех, кому вчера приказывала. Ты станешь тенью в коридорах, которую никто не видит. Это — твоя новая жизнь. Я так решил.

Он выпрямляется, с равнодушием глядя на мою побелевшую кожу, на то, как сжимаются мои пальцы.

— Это даже щедро, если подумать. За ту роль, которую ты так и не смогла сыграть.

— Райт... ты... не можешь так со мной поступить, — задыхаюсь. — Не можешь...

Он смотрит с усмешкой, будто я вещь, которую он использовал и выбросил.

— Ты чудовище, ты просто чудовище.

Молчание нависает как заточенная гильотина надо мной. В его взгляде впихивают злость, ярость и что-то тёмное, пугающее до дрожи в ногах.

— Закрой рот, — на губах оскал. — Ты как смеешь со мной так разговаривать, со своим повелителем? Или ты не поняла, где твоё место? — выносит жестокий приговор.

Страх окутывает разум холодным туманом.

— Не надо, прошу.

— По закону — шесть плетей, — голос громом разносится под сводами подвала. Я знаю дальнейший исход, заранее чувствуя физическую боль. — За бесплодие! За ложную истинность! Потраченное время! Отсутствие магии! Безродность! Моё терпение! — камнями осыпают его слова, Райтфорт замолкает, слышу скрежет его зубов, на скулах дёрнулись желваки, а на лице — тень невысказанных слов.

— Что-то ещё скажешь?

Мотаю головой, сжимаясь вся.

— К стене, — приказывает равнодушно он и отступает.

Стена дышит ледяным равнодушием, и её холод вцепляется в ноги, как цепи обвивает лодыжки.

Райтфорт подступает, грубыми движениями берёт мою руку и просовывают в петлю ремня, потом то же самое делает с другой рукой. Я распята перед ним и уязвима. Он собирает мои волосы на спине и откидывает за плечо, холод перчаток обжигает нежную кожу спины. Ткань сорочки натягивается, когда он собирает её в кулаки, треск прорезает тишину и оглушает, и вот теперь мне становится по-настоящему страшно.

Теперь я готова умолять его о пощаде, но слова застряли, потому что горло перехватило ледяными пальцами.

Его дыхание обжигает кожу на моей шее.

Я чувствую, как кожу прожигает его взгляд, от него исходит кипящая ярость.

Ремни крепко перетягивают запястья, холод врывается в плечи. Я слышу, как упругий кнут шелестит в руках моего мужа. Слышу, как он делает шаг, взмах — и упругая кожаная плеть рассекает воздух, хлётко бьёт по спине, оставляя налитую огнём полосу.

Шок, неверие, ужас.

Распахиваю глаза, теряя воздух из груди.

Не успеваю опомниться, как прилетает второй дар. Ногти вонзаются в ладони, оставляя красные полосы.

Стискиваю зубы, чувствуя, как острая боль расползается по спине раскалённым железом. Брачный браслет в виде рун растворился на моём запястье, стёрся кровью и слезами, что жгут мои скулы беззвучно, капая на каменный пол.

Три... брызнули слёзы из глаз. Четыре, пять... что-то густое и горячее стекало по спине к пояснице, делая влажной сорочку.

В голове темнеет, стону, будто это может облегчить пытку.

Шесть... вскрикиваю.

Тишина наваливается плотным мешком, и в ней слышу, как плеть грохает на стол. Меня покидает сознание.

Визуал

Покои, где проснулась Ливейн

А это комната куда она попала

2.

Я не знаю, сколько прошло времени, быть может, миг или полчаса — время стёрлось, оставляя лишь горечь и боль.

Дверь открылась снова. Кто-то вошёл, быстро и осторожно освободил мои затёкшие руки, заботливо накинуд что-то лёгкое и мягкое на плечи.

— Идёмте со мной, вот так, потихоньку, тут ступеньки, не споткнитесь, — женский добрый голос и мягкое плечо были последней каплей, я сдалась, чувства хлынули как прорванная плотина, накрыли меня отчаянием.

Камеры остались там, внизу, но всё равно мы шли по полуподвальным помещениям нижних этажей. Но хотя бы здесь дневной свет, он слепит, и я почти не вижу, куда мы идём.

— Отдельных комнат не имеется в этом скромном крыле, слуги живут группами.

Он решил сделать меня служанкой в своём замке, теперь я отвергнутая мужем чернь, никчемная, ненужная и опозоренная.

Толстые стены, как молчаливые великаны, сторожат тайны прошлого. Если на верхних этажах жизнь цвела роскошью и убранством, то здесь, внизу, где дымоходы голодно завывали сквозняком, а крошки хлеба сиротливо поедались мышами, замерла в спячке.

Запах кислого молока и мокрой шерсти въедается в кожу и волосы.

В комнате, куда мы вошли, так тесно, что кровати стоят почти вплотную, разделяют их прикроватные, грубо сколоченные тумбочки, несколько окон с тряпкой вместо шторы проливают мутный серый свет внутрь. В свободном углу — каменная кладка очага, в нём что-то шипит в чугушке. Но тепла будто всё равно недостаточно. Или мне так кажется.

— Вот ваше место, — женщина проходит к кровати у холодной стены и стелит мешковину.

Полные, но заботливые руки с закатанными рукавами серой рубашки с некогда чисто-синим, но давно выцветшим передником взбили подушку.

— Постель чистая. Садитесь, я сейчас спину вам полечу немного. Ночь придётся потерпеть, но завтра уже будет легче, сможете двигаться, мази у нас целебные, вот хорошо бы цветки тёмного лотоса, тогда бы даже следа не осталось, но нельзя... Сами понимаете, — смолкает.

Я сглатываю подступивший ком, покидаю порог и сажусь на самый краешек предложенной кровати. Спина тут же отдаётся болезненным жжением. Чтобы отвлечься и перестать лить слёзы, я смотрю на соседние койки.

Узкие, из досок, с перинами, набитыми соломой. Та кровать, что ближе ко мне, опрятно застелена, подушка будто с любовью поставлена треугольником. Её хозяйка нашла время, чтобы навести не только порядок, но и хоть какой-то уют.

А вот другая... отличается в корне — дорогим золотистым шёлком вместо простых холщовых простыней, бархатной подушкой и зеркалом на тумбочке.

— Меня Рена зовут, я лекарка.

Я бросаю взгляд на неё и отвожу. За год я так и не вникла в работу слуг, Райтфорт не поддерживал это, вопросы и задачи все перекладывал на своего советника. Единственная служанка, которая была в моём распоряжении, Климента. Она помогала мне в мелочах разных, волосы вымыть, одеться в сложные многослойные платья, еду приносила, когда я не хотела спускаться в обеденную.

Но что я о ней знала? За полгода — только имя.

— А работы в замке много, порой до ночи поздней, — разрезает ножницами светлые чистые лоскуты, складывает на стол аккуратно. — Вы меня не бойтесь. Привыкнете... — голос её звучит бодро, но улыбка слишком тревожная.

Я ведь теперь обуза, списанная бракованная вещь — ни нужды, ни чести, ни голоса.

Но, может, даже сломанные вещи находят своё место, если смотреть на них иначе. Видимо, так видит меня Рена.

— Климента здесь живет?

Рена мрачнеет, выливает из чугунка в медный таз горячую воду, черпает из ведра ковшом холодной.

— Пропала Климента... Уже третьи сутки пошли. Вечером ночевать не пришла, думала я, загуляла девка, молодая-пригожая, мужчин-то в замке много, ходили тут за ней несколько.

В груди у меня холодеет. Неожиданное известие, не знала я, не заметила даже, все мысли мои о приезде Райтфорта были...

— Может, ещё вернётся?

— Может, — открывает свой скраб, достаёт склянки, по запаху слышно, с мазями. — А может, и нет... Тут такое дело... пропадают у нас девицы часто, молодые особенно, — Рена приближается, ставит на тумбочку скраб и возвращается за тазом, сняв с верёвки полотенце.

— Будьте осторожны, госпожа, — поставив на приготовленный стул таз, женщина заглядывает мне в глаза.

— Я теперь не госпожа, обращайся по-простому, как ко всем, — отвожу взгляд, который заполняет влага.

— Да, беда, беда, — после недолго молчания сокрушается женщина. — Как же назвать-то? — искренне не понимает.

— Вейн, просто Вейн...

— Хорошо, — поворачивается к тазу Рена, продвигая его ближе, — поворачивайтесь, госпожа Вейн.

Так называла меня моя тётя. У моей матери было слабое сердце, и рожать ей категорически было нельзя. Мелания рассказывала, что я родилась синим комочком. Только благодаря ей я сделала первый вдох, а вот матери не стало... Мелания меня выходила, хотя сама уже была в преклонных годах. В те годы грянули враги, нам пришлось покинуть дом.

Вальдрии — страна, где туманы никогда не таят, покрывая золотистые и багряные леса, а гигантские горы сверкают своими седыми вершинами.

Наш небольшой народ смели аморы, полулюди-получудовища, проклятый богами дикий народ, давно превратившийся в варваров. Они уничтожили замки и храмы, оставив руины. Закупорили магию, обесточив силой алтари.

Леггерии больше нет, города зачарованных озёр с виноградными холмами. А вместе с ним было погребено и моё прошлое. Мелания совсем ослабла и покинула меня, когда мне исполнилось двенадцать лет. Так я осталось сиротой. Меня забрали в женский монастырь, при котором образовалась небольшая академия. Там я и училась и жила до совершеннолетия, пока меня не заметил новоиспеченный правитель восточных земель Вальдрии.

Он пожелал меня в жёны, девушку из провинции, сироту с запечатанным даром.

Я не могла в это поверить, почему именно я, среди множества сильных одарённых девушек? Я правда поверила, что между нами что-то произошло, искра.

Но метка так и не расцвела на моей лопатке, магия не проснулась, я оказалась бесполезной пустышкой. Брошенной, униженной, забытой всеми и никому не нужной. Он не дал мне ни малейшего шанса. Виновата ли я в том, что не могу родить?

— Ссс, — вода, попавшая в рану, полоснула по спине.

— Потерпи, милая, — утешает Рена. — Ничего, раны заживут. Забудете об этом как о страшном сне, леди Вейн.

Раны да, а вот сердце... никогда. Все кончено, он убил нашу истинность, не дав ей родиться. И я ничего не могу с этим поделать.

— Красивые у вас волосы, цвет дороже золота, — слышу, как улыбаются, но тут же грусти.

Я опускаю голову, плечи сами собой сжимаются, чувствуя осторожные касания Рены, что смазывает кожу вокруг ран. Не хочу смириться с тем, что мне придётся остаться в этой темнице. Нет, работа меня не пугает. Сама мысль о том, что там, наверху, Райтфорт продолжает спокойно жить, развлекаться, приглашать в постель других девушек — убивает.

Не хочу! Не хочу оставаться здесь.

Хотелось кричать, но не было даже на это сил.

Смотрю на свой сжатый кулак и вспоминаю, что всё ещё сжимаю в руке тайное послание для императора. Рука становится будто тяжёлой.

Я должна была отдать это Райтфорту. Что там может быть? Может, подарок от кого-то? Тайное послание любовницы? Райтфорт мог уже иметь кого-то, может, поэтому с лёгкостью избавился от меня?

Горечь обиды вновь душит. Сглатываю и разжимаю пальцы.

Развязываю узелок и вытряхиваю на ладонь содержимое. Крупный и тяжёлый, как зелёная слива, медальон упал на мою ладонь. Серебряный, в форме слезы, с вкраплениями красного стекла, напоминающего застывшую кровь. Выглядит зловеще. Я приглядываюсь, как вдруг стекло будто плавиться начинает, стекая на мою руку, растекаясь по пальцам.

Завороженно смотрела на происходящее, медальон исчез, а вот пальцы стали пугающе красными, будто я окунула руку в ведро с животной кровью, которая вдруг начала чернеть, кипеть на коже и проникать внутрь огнём, как кислота.

— Ааа! — вскрикиваю я и вскакиваю, встряхивая рукой, чтобы смахнуть с себя эту дрянь.

Таз, опрокинувшийся со стула, с горохом падает на пол, вода проливается лужами, за ним бухается краем стул.

Рена всплескивает руками, бормочет, сокрушаясь на свою неловкость, а я в ужасе смотрю на свои руки.

И... Ничего не нахожу.

Ни единого следа. Сердце срывается в галоп, спину будто кипятком облили, но от испуга не чувствую боли. Трогаю пальцы, глажу кожу, всё цело.

— Наверное, мазь попала в рану, моя вина, простите, леди Вейн, — Рена пытается сгладить свою вину, но она ни в чём не виновата.

Похоже, она ничего не заметила. А я? Неужели привиделось?

Судорожно выдыхаю и смотрю на пол, где валяются в луже тот самый кожаный мешочек и он, медальон, зловеще горящий рудой в полумраке. Тело покрывается липким потом.

Не привиделось. В нём что-то есть.

Прижимаю руку к дрожащей груди.

— Я сейчас уберу, — отправляется к очагу, где стоят швабры и веники, Рена.

Вбираю в себя воздух и приседаю, чтобы подобрать смертельно опасную вещь. Быстро хватаю медальон, сунув в мешочек, прячу в складках одежды. Не хватало ещё, чтобы Рена подумала, что я украла его из спальни императора, где меня схватили.

— Давайте ещё снимем это, красивая сорочка, столько работы, тончайшее кружево, жаль, что испорчена.

Рена отбросила испачканную кровью сорочку — из последних вещей, что принадлежали ещё недавно мне, и помогла надеть просторную домотканую рубашку со шнуровкой на спине, которую оставила распахнутой.

— Я вам ещё приготовлю горячий ягодный отвар, вчера девушки как раз собрали, — говорит Рена, когда всё убирает, и помогает мне лечь на кровати, — отдыхайте пока.

— Спасибо, Рена, что очень добра ко мне, пожалуйста, тебе запрещено обращаться ко мне титулом, зови меня просто Вейн. Я ведь теперь никто в этом замке, а ты обращаешься ко мне как хозяйке, не хочу, чтобы и тебя наказали.

Женщина хотела что-то сказать, но передумала отчего-то, только глаза погрузнели как-то. И глаза у неё добрые, тёплые, как ранняя осень. Рена помогла лечь на кровать животом и оставила меня. У неё ведь и без меня полно хлопот, а день только начался.

День, сделавший из меня прокажённую.

Лёжа в толстых равнодушных стенах, я достаю мешочек. Снова его рассматриваю, пытаюсь найти хоть какие-то знаки или символы, что могли бы сказать об этой наполненной неизвестной страшной магией вещи.

Но ничего.

Зачем же я сняла его, пусть бы оставался на окне. А теперь что с ним делать?

От усилий думать на меня накатывает безумная усталость, раны болят, но ещё больше болит в груди. Прячу его под соломенную перину, замираю.

Осознание произошедшего снова наваливается на меня безжалостной плитой, распяв как Райтфорт в подвале. И мне бы провалиться в сон, но не могу. Перед глазами он.

Райтфорт...

Почему?

Поджимаю губы, чтобы не плакать, но не могу. Тело сотрясается в беззвучном прерывистом рыдании.

Почему он так со мной поступил? Всё же было хорошо. Да, враги нападают, Райтфорт последние полгода находится на обороне, громит аморов, наши встречи редки, и каждая могла стать последней. Этого я боялась больше всего на свете, что однажды дракон не вернётся... Одна эта мысль обращала меня в лёд и лишала дыхания. Но он возвращался. Всегда.

И когда шаги его звучали в коридоре замка, сердце вырывалось из груди. Он обрушивался на меня — весь, целиком. Его руки, голос, огонь, страсть. Он скучал. Это было видно во всём: как смотрел, как шептал, как не мог насытиться мной в ту ночь, как будто знал... что это будет в последний раз.

Он был нежен, словно боялся причинить боль. Я не поняла тогда почему.

А теперь всё стало ясно.

Связь с сиротой из провинции с редкой, почти забытой магией.

Я просто способ получить силу. И когда оказалось, что её недостаточно, что я не принесла ему желаемого — он просто избавился от меня.

Бросив на дно замка, лишив возможности на ещё одну попытку. Забыв о мгновениях, проведённых вместе. Он всегда так смотрел на меня, будто я единственная, кого он желает, и больше не существует никого. Я поверила в это, открылась ему полностью, а он жестоко всё разрушил, растоптав меня обвинениями. Будто и не было ничего между нами.

— Почему ты солгал, Райт?

Почему он смотрел так, если всё было ложью?

Зачем он заставил меня поверить, что я — больше, чем просто кровь с магией?

Я открылась ему. А теперь он забудет меня как сон. И больше не вспомнит. Я позволила ему вырвать с корнями своё сердце. Как же глупо. Нужно было понять это ещё месяц назад, тогда у меня было бы время. Сбежать. Как же глупо, думала, что он так же, как и я, любит.

А теперь вместо любви — одна сплошная рана. Я одна, рядом никого. Ни Милании, которая была мне вместо матери, ни дома, сожжёного врагами.

Теперь я служанка, тень.

— Я тоже забуду тебя, Райт. Больше никогда ты не сможешь ранить моё сердце.

Визуал

Это медальон таинственный

Амелия

Дорогие, а ещё я хочу подгрузить буктрейлер, там все картинки ожившие, но здесь технически сложно сделать поэтому для просмотра можно перейти в мой тг-канал. Там вообще много чего интересного, так что переходите.

 Как найти тг, открыть тг и вбить в поисковик имя автора Властелина Богатова

3.

Весь оставшийся день и ночь были как в мутном тумане. Я проваливалась в небытие и всё время слышала голос Райтфорта, обрушивающиеся на меня жестокие и несправедливые обвинения, град ударов плетью и осуждающих насмешливых взглядов. Просыпалась в поту, слышала, как в комнату кто-то входит, как шелестит постель, тихо звучат голоса.

Но не было сил подниматься. И снова проваливалась в пустоту.

Когда я вновь открыла глаза, то в комнате снова никого не оказалось, будто всё, что я слышала, это бред моего воспаленного сознания.

Лёжа на боку, долго смотрю на каменный серый потолок, как чуть покачивается цепь от сквозняка, на цепи должен быть канделябр, но его, видимо, сняли и пользовались обычными подсвечниками.

Внутри ничего, пусто. Как за мутными стеклами окон — безжизненная промозглая пустота.

Бодрые шаги обрывают мои мысли. Громкий щелчок замка, и дверь со скрипом открывается. В комнату входят.

Я собираюсь с силами, чтобы приподняться. Зубы стискиваю, когда спину тянет болью, но уже не такой острой и врезающейся в рёбра и лопатки.

— Не торопитесь, — голос принадлежит девушке, но в нём столько твердой почвы, сколько сейчас в моей попытке сесть на жёсткой перине.

Рассмотреть я её не успеваю, голова начинает кружиться, к горлу подступает ком, а во рту так сухо, как в пересохшем колодце.

— Я еды принесла, нужно поесть.

Облизывая слипшиеся губы, я всё-таки оказываюсь в вертикальном положении, хотя чувствую себя как та самая перина с соломой.

— Я не хочу... — слатываю и смотрю на ту, кто решил позаботиться обо мне.

Высокая худощавая девушка в грубом мешковатом платье казалась чужой в этой простой одежде — как будто её временно нарядили в ткань, к которой она не принадлежала.

Ветшалый передник, уже запятнанный жиром и брызгами воды, болтался на узкой талии, подчёркивая неуклюжесть формы — но за этой неуклюжестью проступала приятная грация.

Она напоминала лебедя — прямая спина, длинная гордая шея, тонкие запястья и бёдра, будто вылепленные не для работы, а для танца.

Тёмные волосы были заплетены в строгие косы и заколоты сзади туго и практично, но одна прядь — упрямая, тяжёлая — всё равно выпала и прилипла к щеке, когда она наклонилась, ставя тарелку с едой на стол, выпрямилась и посмотрела на меня.

— Я правда не хочу.

— Рена велела поесть.

Я снова облизываю пересохшие губы, не в силах спорить. Девушка отходит и возвращается с глиняной кружкой в руках.

— Спасибо, — тихо говорю и принимаю питьё.

Пресная вода немного утоляет жажду.

— Меня зовут Амелия, мы будем жить в одной комнате, там, — указывает на дальнюю койку, — Гвендолин.

Значит, это их голоса я слышала во сне: напряженный Амелии и фирканья Гвендолин.

— Вот здесь твоя новая одежда, — касается тумбочки. — Посмотришь потом, разберёшься. Рена сказала, что тебе ещё три дня отдых нужен. Но Железоморд не любит, когда постель занята просто так.

Она умолкла, глядя куда-то в сторону, будто ждала, что я сама всё пойму.

— Он уже спросил, в каком ты состоянии, — голос её стал тише. — Я сказала, что ты не стоишь на ногах. Что путаешь слова. Что боишься света. Всё что нужно. Пока хватит. Но он снова придёт.

Имя повисло в воздухе как гвоздь. Железоморд... Мартрук, поняла я.

Не титул, не фамилия — отголосок боли. Слуги, видимо, звали его так за спиной. И у этого прозвища был вкус — железа на языке.

Амелия поставила кружку на край стола, почти бесшумно.

— Мне нужно идти работать. Отдохни. Если можешь.

И, уже уходя, добавила почти шёпотом:

— Я тебя прикрою.

Она уходит, а я смотрю ей вслед. Лонгард огромный замок, в его масштаб мог войти целый город. Одного дня не хватит, чтобы обойти все эти башни, коридоры, бесконечные комнаты, залы и подвалы. За целый год мне это ещё не разу не удавалось, ограничивалась тронным залом, жестким крылом и спальней Райтфорта. Кто в нем живёт — мне неизвестно, но зато об этом хорошо знает Мартрук.

Моргаю и отвожу взгляд от дверного полотна, смотрю на миску, оставленную Амелией на тумбочке, в ней молочного цвета каша.

Беру деревянную ложку и молча мешаю полужидкое варево. Подношу ко рту и пробую. На вкус — овсяная каша, без ягод и масла, обычная, на воде. Но есть я не стала не поэтому, просто не хотелось.

Откладываю ложку. Осторожно собираю волосы и чуть приспускаю рубашку. Пальцами касаюсь ран. Больно, но они уже не мокрые, чуть затянулись и не жгут, разве что немного ноют, но это уже не страшно. Мазь, пахнувшая травами, на коже помогла.

Замираю, уставившись на свою смятую подушку, ладонь тяжелеет, вспоминая вес и холод драгоценного и опасного украшения.

Несколько мгновений не двигаюсь, но затем откидываю подушку и беру кожаный мешочек в руки, сглатываю, чувствуя, как учащается пульс.

Он был не простой, я чувствовала это. И не понимала, насколько опасная в этом медальоне магия. А ещё от него веяло бедой. Не к добру этот голубь появился в тот момент, когда меня схватили. Теперь я чувствую, что это не случайно.

Нужно избавиться от него. Сжимаю мешочек и встаю на ноги.

В глазах темнеет, спина — словно налитая свинцом. Я ступаю по холодному полу, хватаюсь за ручку оконной рамы, открываю.

Холодный воздух пахнул в лицо свежестью и ииеем, а следом — вонью сливных ям. Видимо, за соседними каменными стенами находилась прачечная.

После подвалов и тёмное холодное небо, затянутое облаками, невыносимо светлое, чтобы разглядеть всё лучше.

Сжимая проклятый медальон, я заносу руку, чтобы выбросить его. Но перед глазами вспыхивает алый цвет камня, потом тёмная кровь, смешанная с яростью Райтфорта.

Меня пробирает дрожь, на глаза снова наворачиваются слезы, когда я вспоминаю о нём.

— Выброси его, Ливейн, — шепчут мои губы в холодном воздухе.

Костяшки белеют на моих пальцах, они не хотят разжиматься. Что, если это не зло, а, наоборот, помощь или подсказка?

Остаться здесь я не хочу, быть служанкой ему, в его замке на всю жизнь... одна эта мысль убивает. Я сирота, но не вещь, у меня живое сердце, пусть жестокий дракон растерзал его.

Открываю створку тумбочки. Внутри и в самом деле одежда, целая стопка, выгружаю всё на кровать. Платья, юбки, фартуки, что-то из тёплой одежды, в том числе и женские чулки,

нательные рубашки, и всё из грубого льна и сукна, что положено носить простолюдинке и черни. Хорошо, что всё чистое.

Принимаюсь зашнуровывать нательную рубашку, хорошо бы подождать, пока раны хотя бы покроются коркой, но у меня нет для этого времени, скоро нагрузка работой, и вырваться будет сложнее, находясь на виду у всех. Пока меня никто не знает, не видел, а только слышал.

Натянув на ноги колючие чулки, я надеваю простое, такое же, как на Ханне, платье поверх подъюбника. Тунику из сукна подвязываю верёвкой вместо пояса.

Волосы заплетаю в две тугие косы и завязываю сзади в причёску.

Одежда царапает кожу, задевает подсохшие раны, так что до нутра достаёт. Но всё терпимо. Мешочек с медальоном я надеваю на шею, прячу за пазуху. Покрываю голову вязаной шалью, больше предназначенной кутать поясницу, чтобы женское не застудить.

От проделанных усилий хотелось одного: упасть опять на кровать.

Коридор поглотил меня в свое каменное нутро, как огромная рыба, едва я вышла за порог.

Колени дрожат, все вокруг плывёт, тело клонит к земле, меня пробирает дрожь от усилия переступить ногами. Но ещё одна ночь здесь невыносима. Зная, что Райтфорт сейчас, в это время здесь, дышит, ходит, ест и не вспоминает обо мне. А возможно, пригласил в постель другую.

Сжимаю зубы и спускаюсь с лестницы. Каждая каменная ступенька — это мука. Чем ближе я к выходу из этой темницы, тем громче кричит разум, что я не смогу уйти далеко. Не хватит сил.

Но я упрямо толкаю дверь и выхожу на улицу.

Пасмурно, холодно, ночью снова был дождь, и воздух здесь почти ледяной, он наполняет лёгкие, приносит облегчение.

Во дворе людно, здесь полно слуг, все что-то делают, куда-то идут, что-то несут, везут на тележках, тащат, в воздухе запах куриного помета и мокрой соломы. Разносятся конское ржание, скрип дверей, стук молотов, что-то громыкает, шелестит, двигается.

Голова закружилась, будто кто-то раскрутил меня в бешеном хороводе, и я уцепилась за шершавый камень стены, чтобы не рухнуть на землю. Пальцы скользят по влажному мху, но цепляются за выступ — ещё секунда, и я бы потеряла равновесие.

Знакомый свист и топот разносятся в воздухе, взмывая стаю ворон с зубчатых стен. Чёрные крылья хлопают в панике, и перья медленно кружатся в сыром воздухе будто пепел.

Я резко прижимаюсь к холодному камню, затем осторожно выглядываю из-за угла, чтобы понять, что происходит.

На землю, в грязь, пропитанную дождём и потом, падает мальчишка. Лет не больше двенадцати — худенький, с растрепанными волосами цвета вороного крыла. Из его рук выскальзывает полупустой мешок, и зёрна рассыпаются по грязи, как жалкие золотистые бусины.

Над ним возвышается стражник. Кожаные латы на его груди сверкают тускло, словно старая монета, а борода, заплетенная в грубые космы, колышется от тяжёлого дыхания. Но страшнее всего — кнут в его руке. Толстая, в прожилках кожи плеть, кончик которой уже тёмный от засохшей крови.

Я холодею. Сердце бьётся так громко, что, кажется, его слышно даже сквозь звон в ушах. Дергаюсь, чтобы спрятаться, убежать, но будто примёрзла к камню.

Стражник резко заносит руку, и кнут со свистом рассекает воздух.

“Щёлк!”

Зажмуриваюсь, но тишина. Ни единого звука.

Мое дыхание перехватывает, гнев застилает ум, закипает в груди ядом.

Открываю глаза.

Ещё удар — кнут цепляет щёку мальчишки, оставляя тонкую кровавую нить. Ещё — и красная отметина расцветает на его бледной шее.

Кинувшись вперёд, я заслоняю мальчика.

— Прекратите! — останавливаю наказание.

— Это ворюга! Зерно из амбара тащил! — гаркнул бородатый громила и шагнул ближе, хрустнув пальцами. — Или ты с ним заодно, девка? — добавляет он, вынимая кнут с пояса и играя им в руке.

— Нет! — испуганно мотаю головой, с трудом сдерживая стон, поздно понимаю, что могу тоже получить ещё плетей. — Почему вы его бьёте, он же ребёнок, — голос слабеет, я плячусь, когда страж оглядывает меня с ног до головы.

— Я не ребёнок! — вскидывается паренёк, лицо перекошено от боли, кровь струится сквозь пальцы, которыми он зажал рану на плече.

— А я думаю, ты с ним заодно! — рычит бородач, сверля меня глазами. — Кто ты вообще такая?! Откуда объявилась? Кто пустил?

Мне становится холодно, как в ледяной воде. Сердце ударяет в груди — сдавленно, обречённо. Глаза охранника — как змеиные: узкие, жгучие, ищущие, за что укусить.

— В кандалы их обоих! — хватается парня за шкуру, словно дохлого котёнка, а меня бьёт меня рукоятью кнута в бок. — Крысы, будете знать, как по нашим амбарам шариться!

— Оставьте её, она с нами! — насккивает как лисица из засады Амелия, и откуда взялась? — Это новая служанка, не трогай её, отпустите.

Хватка на моём плече слабеет и я тут же вырываюсь, чувствую как следы пальцы пронизывают локоть отдается в плечо. Охранник снова въедливо окидывает с ног до головы. Теперь запомнит. И многие запомнят. Как жену правителя меня знает лишь часть высшей знати, слуги — только самые приближенные, как и несколько охранников из свиты Райтфорта.

Теперь никто не узнает, только Вейн — новую служанку замка. Ливейн умерла в том подвале.

Охранник отступил.

— Пойдём, — тащит меня за собой Амелия.

Мальчика же грубо пихают в сторону каменных строений.

— Что с ним будет? — сжимаю руку Амелии.

— В темницу посадят... — уклончиво отвечает девушка.

— А дальше?

— За воровство наказывают, не знаешь разве? — бросает сердито. — Если повезёт, просто обожгут пальцы.

Я даже приседаю от ужаса. Знаю, что в Вельдии законы суровые — это известно всем. Но...

— Вейн, тебе не следовало выходить, зачем ты на задний двор пошла? Кто тебе разрешил? Попадешься охране три шкуры сдерут, — насупивается Амелия, когда мы вновь оказываемся в комнатухе.

Стаскиваю с головы шаль и губы поджимаю — больно. Чувствую, как ткань к спине липнет. Амелия замечает мои страдания, заглядывает за спину. Хватает меня за руку и заставляет сесть на стул, бросается к очагу, наливает воду в чугунок, подступает ко мне снова.

— Снимай, — осторожно тянет одежду с меня, помогая развязать шнуровку.

Что сказать, платье я испортила, как и сорочку.

— Попробую постирать, — огорчается девушка.

— Я не хотела, — виновато смотрю на неё.

— Тебе пока что лучше нас слушаться, — бросает в таз вещи Амелия и подхватывает чугунок, выливая согретую воду в ковш. Затем берёт выстиранные со вчерашнего дня лоскуты, смачивает и приближается сзади, присаживаясь на другой свободный стул.

— Сама себе вредишь. За что тебя так?

Задаёт вопрос, которого я не ожидала. Вздрагиваю, когда Амелия прикасается влажным лоскутом к коже, как будто к стеклу.

— Провинилась, — отворачиваюсь, сжимаясь.

— В постели не удовлетворила? — голос её сух, почти будничен, словно такое происходит сплошь и рядом.

Краснею так, что горит не только спина, но и лицо и уши. А затем внутри вновь вспыхивает гнев.

— Законами начали злоупотреблять, что позволяет себе правитель, то и позволяют себе его поданные, — шипит Амелия.

Мелания говорила, что этот закон позволяет мужчине прикрыть любую жестокость правом главного. Со временем традиция укоренилась и стала нормой. Теперь даже судьи ссылаются на него, если женщина не так посмотрела, не то сказала, не так отозвалась в постели.

— Знаешь, — продолжает Амелия, отжимая тряпку, — когда власть даёт мужчинам возможность наказывать за несбывшиеся фантазии, фантазии превращаются в кандалы, — она чуть сжимает мои плечи и, наклонившись, радостно произносит: — Уверена, когда-нибудь они поплотятся.

Я резко обернулась.

— Такое вслух нельзя произносить.

Амелия смеётся и отстраняется, прикладывая лоскут к другому участку.

— Люди любят строить ожидания. Особенно мужчины. Им проще придумать тебя, чем узнать, — продолжила.

Опускаю взгляд. А Райтфорт пытался меня узнать, или я была всего лишь постельной грелкой? Горько осознавать, но женщины тоже впадают в собственные иллюзии. Я жестоко обманулась.

Молчание затягивается. Только капли со стекающих лоскутков разбиваются о деревянный пол.

— Вейн не вини себя, — вдруг кладет руку на плечо легонько, склоняется ко мне, — ты красавица, посмотри какие у тебя глаза, синие, как кристальная вода, цвет волос как золото. А он неправ, ясно? Беречь должен тебя как драгоценность, гад он, поняла?

Облизываю пересохшие губы, и хочется вновь плакать.

Нет, хватит. Больше никогда.

— Вот что, я не знаю, откуда ты, расскажешь как-нибудь потом, если захочешь, а сейчас давай дружить. Ты очень хорошая, под кнут кинулась заступаться, хотя сама в синяках, доброта редкость в этом замке, — наконец говорит она с грустью.

Я опускаю глаза. Голый пол под ногами расплывается в слезах — не от боли, от бессилия. Я не собиралась оставаться в этом гнилом Лонгарте. Но побег сорвался. И всё же... я не сдамся. Не сдамся.

Перед глазами вспыхивает образ мальчишки — худой, ободранный, с горстью пшена, прижатой к груди как последняя надежда. Его глаза — те, что глядели с дерзостью сквозь боль — теперь будто прожигают мне грудь изнутри. Я не могу оставить это..

Вельдия никогда не бедствовала, это сильная могущественная империя, со своими запасами. Враги, набеги аморов, конечно, истрепали её окраины, отрезали торговые пути, ведь это не первый раз, никогда не было такого, чтобы в хлевах не хватало корма.

Впрочем, какая мне теперь в том разница, теперь я никто. Единственное, что хочу, это бежать, как можно дальше от Вельдийской империи, от Лонгарта, от Райфорта...

Я вновь смотрю на цепи на потолке, где должны висеть канделябры. И тут до меня доходит страшное понимание.

В Лонгарте иссякли не только продовольственные запасы, но и магия? Там наверху магией пропитаны сами стены. Столы гнутся под тяжестью блюд, пахнет жареной дичью и сладостями, от шёлка на платьях рябит в глазах, серебряные кубки полны вина, кольца, броши, резные шпильки — всё в достатке. Я жила весь год в Лонгарте и не знала как всё под моими ногами рушится.

Райтфорт никогда не посвящал меня в политику и дела замка — он считал это удел мужчин, поэтому я даже не знаю, кто держит хозяйство, кто ведёт счета, кто распоряжается поставками. Кто кормит людей внизу. Если вообще есть кто-то.

Кроме Мартрука — серого управляющего, чья власть вплетена даже в стены. Его рука касалась всего, кроме женского крыла. Хотя нет — и туда он успел вторгнуться, когда явился со стражниками за мной.

Что я о нём знаю?

Разве что, его отправил сюда сам император, которому Мартрук служил верой и правдой. Сжимаю виски пальцами. Тогда я ничего не понимаю.

Мелания говорила однажды, что настанут времена, когда магия исчезнет, а вместе с ней и Вельдия. И род драконов... Я думала что она просто верила старым поверьям.

Стало страшно.

— Сейчас тебе лучше в кровать, если Железоморд узнает, мало не покажется, — Амелия отставляет таз и смахивает со лба прядь, выбившуюся из скрученного в жгут платка повязанного вокруг головы.

— Выходит, он здесь главный? — поворачиваюсь к ней.

— Главный, — коротко кивает, вешает полотенце на верёвку. — И лучше не попадаться ему на глаза без нужды. Он не любит беспорядка. И жалости в нём нет. Ладно, мне пора. До вечера нужно перестирать ворох одежды, но я поищу тебе платье. Ходить в этом не дело.

Я поднимаюсь со стула и тянусь к приготовленным вещам.

— Я с тобой, помогу перестирать, из-за меня ты время потеряла.

— Ещё чего, — упирает в бока руки Амелия. — Всю одежду испортишь, раны ещё не зажили. Лежи лучше, потом поможешь, не убежит от тебя работа, пальцы натереть ещё успеешь мозолями, и лежать никто не даст. Поэтому пользуйся.

Я киваю, сжав губы.

— Спасибо Амелия, что вытащила от стражей.

— Поспи, наберись сил, завтра, никто не даст тебе лежать на кровати.

Амелия улыбается быстро, почти незаметно, будто ей редко говорят простое "спасибо". Подбирает таз, лоскуты, уходит, оставляя за собой лёгкий запах мыла и влажной ткани. И я остаюсь в тишине, слишком глубокой, чтобы не чувствовать её тяжести.

Тело словно ломается изнутри. Кости гудят, плечи тянут вниз. Я едва натягиваю на себя грубую рубаху, ложусь на живот, прячу лицо в подушку. Закрываю глаза.

И тут же вижу — мальчика. Того, с зерном. Его тонкие руки, цепкие пальцы, взгляд, полный страха и голода. Его ведь накажут. Искалечат. Навсегда. За что? За горсть пшена? Потому что он голоден?

Несправедливость впивается в грудь, как игла. Я знала, что где-то за стенами нашего сияющего зала есть бедность, но не видела её лицом к лицу. А теперь — вижу.

И не могу поверить, какой ужас творится в этих стенах. И я, как слепая, жила в шелках и кружевах. Ела ягоды, сливки, сыр... А внизу — страдают люди, живут во мраке, спят на соломе.

Знает ли об этом Райтфорт?

Если да, то почему ничего не делает? Потому что он в последнее время занят сражениями, а все дела передаёт Мартруку.

Нет, он должен обо всём знать. Неужели тогда ему плевать на всех? Неужели он настолько жесток и я даже не знала об этом?

Я хочу подняться и выяснить всё, не могу лежать просто так.

На моё движение тело отдаётся болезненной ломотой в мышцах, слабость охватывает, повалив обратно на постель. Становится холодно, озноб пробивает всё тело, плечи морозит. Я потянула на ноги шитое из лоскутков одеяло, и закрыла глаза.

Не знаю, сколько прошло времени, помню только как, то морозило, то бросало в жар, спина вся горела особенно пульсировали раны. Я вновь в полубреду услышала, как открывается и закрывается дверь, тихие шаги, чью-то прохладную ладонь на своём лбу, которая подарила мне миг облегчение.

А потом голос Рены. Весь вечер она поила меня травами. А ночью мне снился подвал и Райтфорт, который бросал раз за разом в меня обвинениями, раз за разом замахивался хлыстом, а я рыдала и просила молила его не делать этого. Я просыпалась, что-то горячо бормотала и вновь проваливалась в небытие, когда кто-то прикладывал холодную влажную ткань к виску.

Открыла глаза. Веки поднялись медленно, словно после долгого сна, и первым ощущением стала странная, почти пугающая лёгкость. Тело как перо, на миг показалось, что я умерла.

Шевелюсь, поворачиваясь.

Кошмар прошёл. Но настигнет снова, когда я останусь наедине.

В ответ этой мысли из угла раздалось сердитое хмыканье — сухое, как треск щепки в костре. Оно окончательно вытолкнуло из вязкого сна.

В комнате я была уже не одна. Передо мной скользнул подол серого платья обдав прохладным воздухом, пропитавшимся сыростью каменного пола. Бледный утренний свет наполняет комнату словно мутным туманом.

— Ты как? — тихо спрашивает Амелея.

За её плечом мелькнула другая фигура — голая женская спина, худая, бледная, с острым изгибом лопаток. И... множественными синяками.

По ней сползла выбившаяся из причёски прядь — тусклая, словно выгоревшая солома.

Девушка поправила нижнюю юбку. Почувствовав мой взгляд, резко обернулась. На миг наши глаза встретились. Её взгляд был золотистый и прозрачным, как яблочный сок, но в глубине промелькнули острые, ледяные искры. Что-то своевольное было в ней — как у кошки, что готова царапнуть, если подойти слишком близко.

— Я сегодня в замке работаю, — обыденно сказала она, обращаясь к Амелии.

Голос был грубоват, низкий, с сухой сипотцой — будто ей часто приходилось говорить сквозь ветер или крик. Он резко контрастировал с её внешностью: тонкие запястья, бледная кожа, глаза — прозрачные, почти детские. Но в этом голосе — ни капли мягкости.

Это ведь она? Это Гвендолин? Я представляла её другой... не такой угловатой, и не такой непримиримой.

— Хорошо, а я опять в прачечной, — сказала Амелия, и в её голосе прозвучало не просто раздражение, а почти физическое утомление. Словно это слово — прачечная — было чем-то тяжёлым, придавленным сверху, как камень, и каждый день она поднимала его заново.

— А она? — Гвендолин кивнула в мою сторону, не удосужившись даже назвать по имени.

Визуал

Гвендолин

А это сам замок Лонгард

Скоро пройдем внутрь и посмотрим, что там... Надеюсь вам интересно?

4.

— Я могу встать, — сажусь на постели.

Оставаться здесь, в этом холодном каменном склепе, было невыносимо. Комната, с её голыми стенами, с запахом сырой ткани и ночного дыхания, казалась камерой, в которую меня бросили за преступление, которого я не делала. Мне нужно было выбраться, увидеть больше, понять куда увели того мальчика.

Его образ всплыл внутри меня — остро, почти физически. Его я хотела найти больше всего.

— Хорошо, — не глядя на меня, бурчит Амелия, её лицо на мгновение стало сердитым.

— Иди с Амелией, — бросила Гвендолин, ловко закалывая волосы в небрежный, но прочный узел. — Обуза мне не нужна. И так всю ночь спать не давала своими стонами.

Мои щёки вспыхнули.

— Гвендолин, у Вейн был жар, — вступилась в защиту Амелия, голосом, в котором звенела сталь.

— С каждым может случиться. Одевайся, Вейн. Сегодня мы работаем в прачечной.

Гвендолин покинула комнату первой, не обернувшись, не сказав ни слова. Тихо скользнула за дверь, оставив за собой запах каких-то благовоний и ощущение холодного превосходства. Шаги почти не слышались, но тишина после её ухода казалась тяжёлой.

Я смотрела ей вслед, не зная, стоит ли что-то сказать, но Амелия опередила меня. Она подошла к моей кровати и аккуратно положила на покрывало свёрток — мои рабочие вещи: платье и свернутый фартук.

— Надо было получать, — проговорила она спокойно, но голос её звучал чуть напряжённо. — Теперь придётся идти со мной.

Я нахмурилась.

— Она всегда работает в замке?

— Всегда, — бросила она взгляд в сторону двери, за которой исчезла Гвендолин. — Посмотри на её кровать. Эти вещи не просто так ей достались.

Я обернулась. На бархат подушки и покрывала.

— В последнее время она почти не выходит из замка, — продолжила Амелия, уже тише. — Работа у неё... особенная. Она, — ещё тише, — греет постель Мартрука.

Задерживаю дыхание, сжимая платье в руках, хотелось её прикрыться. Даже не могла предположить, что это возможно, но с другой стороны. Мужчин в замке много, одной стражи сотни, а женщин мало...

— Поэтому будь осторожна в словах. И во взглядах тоже. Она внимательная... и злопамятная. Она будет наблюдать, а с учётом того, что Железноморд следит за тобой..., — вздыхает тревожно покачивая головой. — Так что лучше не спорь с ней. Хотя ты и станешь, — хмыкнула Амелия с лёгкой улыбкой, в её голосе просквозила нотка переживания. — Такая уж ты, я вижу.

— Я просто не люблю несправедливость, — упрямо ответила я.

— Тогда тебе придётся научиться терпеть, несправедливость здесь на каждом углу. Ладно, давай поторопимся.

Собравшись отправились в прачечную, которая находилась в соседнем внутреннем дворе. Здесь же и был вырыт колодец с каменной кладкой, протянуты веревки для сушки.

Что снова насторожило: магия не используется — совсем.

Женщины уже что-то делали: носили воду, чистили коврики, какие-то вещи, плели из лозы корзины для белья. Каждая без дела не слонялась и чем-то занималась. И всё вроде выглядело обыденно, но какими же уставшими и замученными они выглядели.

И тем не менее, здесь установлен чёткий порядок. Я огляделась пытаюсь понять, в какой части замка нахожусь. И вскоре стало ясно, что достаточно далека от главного императорского крыла.

В самом захолустье, где жила основная чернь.

Кухонные слуги, конюхи и уборщики ютились в полуподвальных комнатках или на первых этажах — ближе к своей работе и дальше от солнечного света.

Наша комната находилась прямо у прачечной: запах мыла, пар и стук мокрых простыней я слышала постоянно.

Оруженосцы и ремесленники располагались повыше — в боковых башнях или над конюшнями и кузницами, где всегда было шумно и пахло железом. Из окон открывался вид на мрачные, как и сами воины, каменные казармы.

А вот высокопоставленные управляющие вроде Мартрука обитали в просторных тёплых покоях главного здания — подальше от копоти и грязи.

Всех этих людей надо было кормить, обогревать, обслуживать. Рабочих рук требовалось столько, что казалось, сам замок дышит их усталостью.

К тому же близились холода. Хорошо, что урожай был уже собран и работы теперь осталось не так много внутри замка. Но судя по тому, что была нехватка продовольствия, он был скудный.

Холодов я не боялась: у меня есть медальон, я могу его продать, деньги, одежда и еда у меня будут. Если получится, я смогу уйти за границы империи через море.

Крик ворон заставили вздрогнуть и поднимаю голову.

Стражники как тени двигаются на стенах. Охрана усилена. Нужен будет повод покинуть стены с какой-нибудь повозкой, где можно спрятаться.

В голове уже складывался план. Покинуть замок можно, если у прислуги нет долга. Но кто меня знает? Из слуг никто не понял, кто я на самом деле, даже Амелия. Но Райтфорт зачем-то оставил меня здесь, а значит, за мной — как заметила Амелия — присматривали. Но кто? Амелия точно нет. Рена? Мартрук? Гвендолин?

Но зачем-то он оставил меня здесь. Чтобы унижить ещё больше? Показать, чего я достойна? Или считает, что это жест доброй воли?

И то, и другое позор.

Прохладный ветерок скользнул рыбкой за ворот, заставляя меня запахнуться в шаль плотнее.

Прачечная состояла из множеств комнат, и мы зашли в одну из них.

Высокие стрельчатые окна с коваными решётками выпускали внутрь чуть зеленоватый свет, будто вода за стеклом. По периметру тянулись лавки и полки, заставленные тазами, тряпками, щётками, деревянными вёдрами и корзинами. Возле дальних стен — пар, влажный воздух, и кое-где уже булькала горячая вода. Всё пахло мылом, зольной щёлочью и чуть-чуть — дымом, будто недавно тут что-то подогревали на углях.

— Мартин опять постарался, — усмехнулась Амелия, переглянувшись со старшей прачкой, которая кивнула ей с лукавым видом и бросила на меня любопытный взгляд.

— Кто он? — спросила я, стараясь не наступить в разлитую воду.

— Котельщик. Ну, вроде как просто дрова подкидывает да медники чистит... Но, — она наклонилась ко мне чуть ближе, — он всегда знает, когда нам будет нужен кипяток. И он всегда где-то рядом, когда мы остаёмся одни в комнате. Особенно если ты — новенькая.

Амелия задорно подмигнула и пошла к стене, ловко зачерпывая из таза и опуская туда рубашки.

— Не волнуйся, — бросает Амелия через плечо. — Он не страшный. Просто как кот — всегда туда, где тепло. Или где девушки. Особенно если ты и то, и другое сразу.

Потаюсь улыбнуться, но не могу, стою немного растерянная, наблюдая, как пар поднимается к закопчённому потолку. Кто-то хихикнул в соседней комнате. Где-то скрипнула дверь.

— Можешь сесть на ту лавку, — предлагает Амелия и, прежде чем я успеваю возразить, добавляет, — пока просто наблюдай, но мне твоя помощь будет нужна, так что без дела не останешься, — берёт корзину с бельем и опрокидывает её в таз, вываливая ворох влажной тёмной одежды.

Я стою, шаль уже не спасает — от влажного пара, от тревожного холода внутри. Вещи в тазу казались тяжёлыми, будто пропитаны не только водой, но чем-то ещё. Серые, грязные, почти чёрного цвета, похоже на засохшую кровь.

Амелия замечает мой взгляд.

— Они только вернулись, ещё не вся одежда постирана, — говорит будто бы невзначай. — Такое теперь часто...

Амелия справлялась легко и быстро, как будто знала язык всех этих тазов, щёток, мокрых рубаш и булькающих железных котлов на плите. Я молча наблюдала, запоминая, где что стоит, как она наливает воду, в какой таз кладёт грубое полотно, в какой — тонкую ткань. Хотя зачем, я не собираюсь здесь оставаться, ни на день. Но что-то внутри тянет, не даёт покоя.

Ручной труд меня никогда не пугал. Когда настало время ухаживать за Меланией, весь быт без выборно лёг на мои плечи. Мы, с тех пор как покинули замок, жили с ней тогда вдвоём, без прислуги. Всё, что раньше делали за нас другие, стало моими повседневными заботами.

А потом её не стало и я начала учиться живя при монастыре, где тоже без дела не сидела. С другими ученицами занимались хозяйством, наводили порядок в длинных коридорах, работали на земле, сами выращивая для себя хлеб, но по большей части провизию нам доставляли по указаниям императора.

Когда настало время для отдыха, мы отправились в поварню. Я чувствовала, как тело понемногу оттаивает, но внутри точит острая заноза, что мучает меня.

Мы почти дошли до дверей, когда я осторожно беру Амелию за руку.

— Амелия, — останавливаю мягко, облизываю губы, — где могут держать того мальчика?

— Не надо, Вейн, правда, лучше подумай о себе. Помнишь, что я говорила? Не попадайся на глаза Железоморду.

Она прошла вперёд, а я поджимаю губы.

Смотрю по сторонам, на хмурые лица стражей снующие повсюду и спешу за ней.

В поварне пахло хлебом, жареным луком, прогорклым жиром и потом — кухня не знала покоя весь день. Кормили не только слуг, но стражников, отдельно воинов. Кухня для господ была отдельной и находилась в другой части замка, и условия там иные, чем у простых людей.

Это стало ясно сразу, по столпотворению.

Пришлось ждать своей очереди.

Воздух в поварне гудел от голосов и стука половников — казалось, еда здесь не просто готовилась, а рождалась в суете и жаре.

Когда наконец до нас дошла очередь, мне протянули миску с бульоном — горячим, пахнущим жиром, лавровым листом и чем-то мясным. Рядом положили кусок хлеба — тонко нарезанного, но тёплого, и щепотку рубленой зелени. А ещё — два маленьких пирожка с капустой, румяных, пахнущих печкой и чуть горелым маслом.

Я вспоминала детство, Мелания часто пекла пирожки.

Мы отправились за стол. Хорошо, что еда здесь подавалась по очереди: сначала стража, потом слуги. Порядок был строгий, и теперь стало ясно, кто за ним стоит. Мартрук. Здесь всюду чувствовалась его рука — молчаливая, тяжёлая.

Похлёбка оказалась не такой густой, как мечталось на голодный желудок, но всё-таки в ней плавали мясные кусочки — жилистые, но сытные. Appetit пришёл во время еды, как это часто бывает. Я доела похлёбку всю до ложки, соскребая со дна последние капли.

Пирожки могли бы утолить голод окончательно, но я их ставила. Завернула в кусок плотной ткани, она быстро впитала тёплое масло, и от неё потянуло аппетитным духом пряностей.

— Вечером можно попить у Ханны, — как бы между прочим говорит Амелия. — Когда Господин Райтфорд Морнфелл возвращается Мартрук занят, и у нас воля.

Сердце дрогнуло отзываясь на до боли родное имя.

По телу разливается тепло, приятное и одновременно болезненное.

Задерживаю дыхание, поджимая губы. Теперь он там, а я здесь, и наши дороги больше никогда не пересекутся. Больше не будет нежных слов, прикосновений и того, что могло бы быть. Теперь он — часть другого мира. Мира, куда мне не пройти, даже если я встану под самыми его воротами.

Я моргнула, задушив щемящее чувства на корню. Нужно его забыть, вырвать из сердца и больше не думать...

Хорошо, что Амелия не смотрит на меня сейчас.

— Железоморду не до нас, — поворачивается, а я делаю вид, что ничего не происходит внутри меня. — А Ханна всегда готовит что-то вкусненькое на десерт, пока он не видит, — говорит Амелия с лёгкой усмешкой и кивает в сторону раскалённой докрасна печи.

Там, в гуще пара и запахов, среди глины, копоти и тяжелого железа, булькали кастрюли. У печи суетилась невысокая женщина в светлом, уже основательно засаленном переднике с пятнами от подливок. Рука её не замирала — она ловко и методично помешивала железным половником и поглядывала краем глаза на буханки в углу.

Это и была Ханна — с широкими плечами и натруженными руками, заплетёнными в платок волосами и тем терпением, что рождается лишь у тех, кто годами кормит сотни ртов и всё ещё находит время посыпать солью хлеб.

Амелия машет ей рукой, и та отвечает улыбкой на раскрасневшемся лице.

— Давно ты здесь, в Лонгарте? — спрашиваю, но следом почти жалею о своём вопросе.

Амелия замолкает, будто взвешивает слова. Она всё ещё смотрит на Ханну, как будто та может подсказать, что стоит сказать, а что нет. Потом, не отрывая взгляда от пышущей жаром печи, отвечает:

— С тех пор, как была совсем мала. Думаю, мне тогда и семи не было, — поворачивается, берёт глиняную кружку в руки: — Меня нашли брошенную работники замка, что собирали урожай. Они и забрали меня в замок, я поселилась на этой кухне, Ханна меня кормила, постепенно я стала помогать ей на кухне...

Я представила маленькую девочку, которая как котёнок трётся об ноги, ища тепло и ласку.

— Я не знаю кто моя мать, и почему она оставила меня на дороге, а может не оставляла, и её убили, мне не известно.

— Мне хорошо известно это чувство, — говорю вслух, вспоминая, как я не отходила от Мелании.

— Ты тоже сирота? — наклоняет голову Амелия, заглядывая в меня лучше, будто заново узнаёт.

— Да.

Амелия молчит, но я вижу, что у неё много вопросов, которые она не задавала, ожидая, что я сама всё расскажу о том, что со мной случилось, почему меня наказали.

Но как рассказать, когда столько боли и обиды, разочарование, что не смогла...

Райтфорт — защита всех, кто здесь живёт, я не могу его ни в чём винить, он отстаивает границы империи, уничтожает врага. Как бы внутри ни пекло от обиды и несправедливости.

Я не могу думать о нём плохо и уж тем более говорить. Теперь он мой господин, не муж. И он наказал свою бесполезную жену в согласии с законом. И кто из нас в этом виноват? Я, что не смогла дать ему наследника, он — чей род должен продолжаться. Кто?

Прачечная

5.

Но если бы он дал немного времени, хотя бы чуть-чуть, не год, не полгода, хотя бы месяц.

Но он был непреклонен.

“Наша связь оказалась ошибкой, Ливейн, ты пустышка”.

Я морщусь, на лопатке снова запекло, набухло, словно что-то просит выхода, подавленная некая сила.

— Но ты одна, — склоняется ко мне Амелия отвлекая от тревожащих ощущений, — как и я.

Я улыбаюсь, но в этой улыбке нет радости.

Когда мы вышли, слуги всё ещё тянулись к поварне. На пороге Амелию окликнула одна из женщин — крепкая, в потёртом платье, с платком на голове и внушительной корзиной на бедре. Что-то быстро спросила, показывая куда-то вглубь двора.

Я отступаю в сторону, позволяя им говорить наедине, и смотрю по сторонам. Каменные плиты двора были влажными от чих-то спешных промахов с ведром воды.

Амелия не спешила. Она слушала, кивала, отвечала через плечо, даже успела поправить что-то в корзине собеседницы. Солнце поднималось всё выше, отбрасывая на стены длинные ломкие тени.

— Успею вернуться, — говорю себе полушёпотом и, прижав тёплый узел с пирожками к боку, иду через двор, туда, куда меня могут не пустить.

Пришлось ориентироваться на ходу. Я боялась, что меня остановят, начнут допрашивать. Но, на мою удачу — или, может, по милости какого-то высшего духа — стражники обедали, собравшись вместе в один круг.

Проскочить внутрь мне удалось. Но как только я оказалась в мрачном склепе, воспоминания нахлынули ушатым ледяной воды. Хотелось развернуться и бежать прочь без оглядки, подальше от этого приносящего столько боли места, которое помнит тело.

Отдышавшись, перебарывая страх, я шагаю дальше, прижимая сверток к груди, стараясь не поскользнуться на влажных ступенях. Холод, пропитанный плесенью, соломой и дымом, сдавил грудную клетку, покрывая липким слоем кожу. Чем глубже, тем воздух тяжелее. Ни капли магии. Ни единой капли.

Что же не так с этим замком?

Выхожу в туннель — и мгновенно тьма обволакивает как мокрое покрывало. Она не просто скрывает — она дышит мне в лицо тёплым гнилым дыханием. С потолка свисают ржавые цепи, в щели стен заползла плесень, пахнувшая сыростью и чем-то мёртвым.

Где-то здесь держат того мальчика.

Стараюсь идти тише, но кажется, что земля под ногами стонет.

— Эй, красотка, ты куда? — голос выныривает из тьмы, каркающий, как ржавый замок. — Мимо не проходи... Подойди ко мне, не бойся.

Я вздрагиваю. Заключённый скребётся ко мне через решётку, тянет пятерню с грязными пальцами, будто хочет схватить за подол платья.

— Нет, — вырывается у меня почти шёпотом, и я инстинктивно отшатываюсь.

Бежать отсюда подальше!

Оборачиваюсь, смотрю в сторону подземелья, потом в сторону выхода, паника оглушает. Сжимаю в руках тёплый свёрток.

Нет, не могу уйти, мне нужно его найти.

Натягиваю на ниже шаль скрывая лицо, иду дальше, уже быстрее.

Камеры выстроились по стенам, будто рты беззубые, раскрытые в безмолвном крике. Их решётки ржавые и крепкие. До моего слуха доносятся покашливание, хрипы, чьё-то бормотание и даже стоны.

Не хочу думать, за что они все наказаны и какие преступления могли совершить.

Воздух становится всё более вязким, пропитанным железом. И вот наконец я замечаю его.

Он сидел у стены освещаемый проникающим через пробоину с решеткой тусклым светом. Бледная щека испачкана грязью, словно он спал лицом прямо на сыром камне. Волосы — чёрные, спутанные, падают на глаза, скрывая взгляд. Он не двигается, но в позе слишком чувствуется напряжение.

Его голова чуть поворачивается, секунду он смотрит на меня, а потом отворачивается, показывая, что гостей не ждёт. И кажется вовсе меня не узнал.

Я даже немного растерялась, не зная, что делать.

И всё же решительно приближаюсь. Присаживаюсь рядом с решеткой, развязываю свёрток, аромат печеного теста настолько яркий и вкусный в этом голодном по теплу месте, развеивает холод.

— Я принесла тебе вкусностей, — осторожно протягиваю руку через решётку и кладу на край каменной лежанки угощение. — Пирожки с капустой.

Парень всё-таки поворачивается, взгляд хмурый, он явно старается держаться мужественно, но в каждой черте дикая измученность.

— Отравить меня хочешь, да?

Его слова как порез ножом, резко и больно.

— Зачем, мне это делать?

Он смотрит с прищуром взвешивая что-то в уме.

Потом смотрит на пирожки, и снова на меня и опять на румяные золотые корочки, наконец сдаётся и, быстро пересаживается к краю, хватая пирожок.

Жадно откусывает, потом ещё и ещё, запихивая в рот, будто в любой момент еду могут отобрать.

Я поздно понимаю, что нужно было взять и воды. Мысленно ругаю себя, что не подумала об этом.

Сжимаю пальцы на своём подоле.

— Не спеши, я ещё принесу.

Парень замирает, смотрит на меня, а потом смахивает крошки со своей ветхой одежды.

— Не надо, — отвечает.

— Почему? — задаю вопрос и боюсь услышать ответ.

Но он не спешит с ответом, надкусывает пирожок и просто жуёт.

— Откуда ты? Ты ведь не в замке живёшь, верно?

Парень кивает.

— Зачем ты украл зерно? Мог бы просто работать, за это тебе бы дали хлеба. Зачем было рисковать жизнью?

— Никто меня не берёт на работу.

— Почему?

— Ты слепая? — резко бросает он почти с раздражением, будто я задала глупейший вопрос на свете.

Искренне не понимая, о чём он говорит. Он резко выдыхает, как будто что-то внутри него на мгновение сдувается, и резко смахивает ладонью волосы со лба — нервным заученным жестом, в котором больше привычки.

Я сдерживаюсь от вздоха.

Передо мной был амор. С левой стороны часть лба и висок покрыты наростом, твёрдым, словно кора. Он продолжался к виску, деформируя контур лица, не уродуя, а... искажая, делая скулу чуть выше.

Аморы — ящеры которые убивают людей и пожирают их сердца. Они как драконы, только без человеческой испостаси, это и делает их агрессивными хищниками, воплощением инстинкта.

Существует легенда, что первый амор был человеком со второй ипостасью, которого оговорил его собственный отец и изгнал из своего клана, обвинив в измене. Отверженный и забытый, он скитался по мертвым землям, пока его вторая ипостась не взяла верх. Человеческое сознание уснуло, вытесненное зверем. Остались только ненависть, боль и голод.

И вот у берегов реки он увидел её.

Девушка, словно из света и воды. Чистая, невинная. Амор почувствовал — нет, не запах крови, а нечто забытое. Теплое и болезненное. Он вспомнил себя. Почти невозможное случилось: чудовище вновь стало человеком. Между ними вспыхнула истинная любовь. Возлюбленная подарила ему первенца.

Но когда впервые увидела его — ребёнка с чешуей вместо кожи, с крошечными когтями и глазами, не мигающими, как у ящерицы — ужас задушил любовь. Она сбежала, оставив младенца в колыбели.

Так появились проклятые... не драконы и не совсем люди.

В основном они образовывали свои кланы. Редко проклятые живут среди обычных людей, а если и живут, то как неприкаянные.

С ними Вальдия и воют.

Они не могут перевоплощаться, как их прародитель. Но они унаследовали нечто другое: власть над аморами. Сильнейшие из них могут управлять одной или даже целой стаей этих существ, пользуясь тайной магией.

Один проклятый — и десяток крылатых убийц над городом. В этом их страшная сила.

Парень заметил мой взгляд, но не отодвинулся. И в этом было столько усталости, словно он нёс на своих плечах вес всего мира. Сердце сжалось.

— Будешь меня дальше кормить? — усмехается парень, откусывая пирожок. В его голосе слышится неверие, будто он боится, что я передумаю и исчезну.

Я слатаваю, а в груди всё омрачается. Проклятые враги, на них клеймо, они уничтожили мой дом, наслав своих чудовищ, когда умерла Мелания, я возненавидела их так же, как и все остальные, за разрушенные дома, сожженные земли, смерти невинных.

Делаю сильный вдох.

— Как... как тебя зовут? — спрашиваю, стараясь, чтобы мой голос был ровным, не прозвучал как-то холодно, хотя внутри растёт ледяная стена.

“Ливейн, не надо, перед тобой обычный человек, просто ребёнок, который очень голоден и которого не кормили со вчерашнего дня.”

И ещё неизвестно, когда он вообще в последний раз ел.

Сердце сжимается сильно, и стена тает мгновенно, вода которой смывает боль.

— Коул, — отвечает он.

— Сильное имя. Кто тебе его дал? — интересуюсь осторожно, стараясь не спугнуть, чтобы узнать, есть ли у него родные, те, кто мог бы о нём позаботиться.

— Я сам, — с гордостью признается он и берёт второй пирожок. Ест уже не так быстро, словно насыщается не только едой, но и моим вниманием, и всё больше поглядывает на меня с любопытством.

— Зачем ты так рисковал?

Коул перестаёт жевать и смотрит хмуро. В глазах словно пробуждается настороженность.

— А ты мне так и будешь вопросы задавать? Какое тебе дело?

Я замираю от грубости, но делаю терпеливый вдох.

— Хочу помочь, — честно отвечаю я, глядя ему прямо в глаза, и словно сама себя проверяю, я ведь ещё не ушла, почему-то. Могла бы, и нужно это сделать, в каждом проклятом потенциально десяток смертоносных аморов, что жгут границы.

Парень громко фыркнул — не поверил, и был прав. Я и сама не понимаю себя, зачем пришла, что хочу узнать? Но чувствую, что должна, чувствую как тепло становится и забывается недавний кошмар, который обрушил на меня мой муж. Бывший муж.

Коул мочит, наблюдает, словно пытаюсь разгадать мои истинные намерения. Взгляд падает то на застиранную шаль, то на платье из грубого льна.

— Как ты мне можешь помочь? — голос его хриплый, будто застрял между гневом и усталостью. — Сама на подножном корме здесь... Вчера плетей могла получить, — морщится он, доедает пирожок и садится удобнее, но чуточку ближе.

И эта надежда, искра доверия в его жесте, словно крик в пустоту. Ну точно как бездомный щенок, который боится, но хочет тепла, и эта надежда ещё не разрушена, не растоптана. Я узнаю себя в нём — до боли узнаю. Именно так я смотрела на Райтфорта, именно так просила пощады. А он... оттолкнул.

Как легко можно ожесточиться.

Хочу узнать историю этого мальчика, но ещё больше — вытащить его отсюда, дать то, чего лишили меня. Я чувствовала, что не могу просто так уйти, оставив его дожидаться наказания. Я должна как-то помочь. Но как?

Облизываю губы и смотрю в сторону, откуда доносятся голоса стражников.

Судорожно сжимаю решётку и быстро говорю:

— Я попробую вытащить тебя отсюда.

— Зачем тебе это? — морщится он болезненно, но голос уже не такой холодный.

— Я... тоже хочу сбежать. Мы сбежим вместе. Вместе же веселее? — улыбаюсь я.

И вдруг лицо Коула тоже преобразила улыбка.

Но радость была недолгой. Под сводами пронёсся глухой стук. Камень о железо. Звук, будто кто-то предупреждает — время вышло, уходи!

Визуал

Темницы

Поварня, где обедали девушки

Дорогие, следующая прода будет 26, не скучайте, чтобы наша история горела зажгите для неё звёздочек - <https://litnet.com/shrt/P2x6>

6.

Подрываюсь на ноги. Холод от каменного пола успел впиться в колени, но я его почти не чувствовала — внутри уже бурлила решимость.

Недолгий разговор, но я успела понять слишком многое. Коул почти не говорил и всё же говорил всем своим видом, каждым взглядом. В нём не было ни страха, ни гнева. Только молчаливая стойкость и что-то, похожее на... усталое смирение? Нет — не смирение. Скорее, осознание, что ничего не изменить. Аморов будут ненавидеть, всегда.

Именно это и пугало больше всего. Он не молил о пощаде, лишь смотрел со спокойствием, будто заранее знал, что я, как и все, оставлю его.

— Я вернусь, а ты будь готов, — твёрдо обещаю я и спешно отступаю.

Почти бегом преодолеваю скользкую лестницу, теперь кажущуюся пустяком, и взлетаю по ступеням. Гул голосов стражи проникает в подземелье, я сбавляю шаг.

— А что с этим воришкой? Второй день сидит в темнице, есть не даём. Подохнет, кто труп выносить будет? — слышу я недовольный голос одного из стражников и замираю.

— Какой он воришка, — сплёвывает другой. — Это амор. Мартрук приказал повесить его завтра на рассвете.

Меня пронзает холод, дыхание сбивается.

— Только чтоб без лишнего шума. Не хватало ещё смуты из-за того, что проклятый выродок в замок пролез.

— И вообще, хватит трепать как баба. Расходимся.

Отталкиваюсь от стены и пролетаю двор, почти земли не касаясь, скользнув тенью в ворота и в свой двор.

Иду и не вижу ничего перед собой. Всё расплывается в серой пелене. Голова тяжелая, как будто наполнена расплавленным свинцом, а грудь — словно налита горячим камнем, который давит, душит, заставляет сердце биться в бешеном неровном ритме. Оно стучит так громко, что, кажется, слышно даже сквозь стены.

“Завтра повесят...”

Фраза вонзается в сознание как лезвие.

Чей это приказ?

Райтфорт...

Тяжело вздыхаю. Нет, он не может быть настолько жестоким, чтобы отдавать такие приказы. Спина тут же отдаётся фантомной болью, когда я снова думаю о нём.

Что я о нём знаю? Ничего. Он стал другим, холодным, непредсказуемым и опасным. Или был таким, а я не замечала.

Прижимаю пальцы к вискам и тру, пальцы впиваются ледяными отпечатками. Стискиваю зубы, прогоняя мысли о нём.

Он предал. Отверг. Вырви его из сердца наконец, Вейн, хватит.

Коул, даже если он проклятый, ничего не сделал плохого, за что ему такая участь?

— Вейн, где ты была?! — налетает на меня Амелия, застав врасплох, хватая за руку и с беспокойством смотрит в сторону ворот, перехватывает руку и тянет в сторону прачечной.

— Я тебя ищу везде, — уже шёпотом, — ты что, всё-таки к нему ходила, Вейн?

— Мне нужно было, его не кормят.

— Вейн, — хмурится Амелия. — Ты сама едва выжила, о себе лучше подумай. Забудь об этом воришке, он сам виноват.

— В чём? Что с голоду умирает? — бросаю в ответ. Она не видела его глаза, не видела эту усталость, истерзавшую сердце. — Я не верю, что он способен причинить кому-то вред. Его повесят утром.

Амелия замирает. Смотрит на меня пристально. Долго, изучающе.

Затем поправляет фартук резким движением — будто смахивает не только складки ткани, но и мои вопросы.

— Идём, у нас много работы, — холодно отвечает, разворачивается и направляется к прачечной.

Смотрю ей вслед.

Никто не виноват, что всё так происходит.

Ноги двигаются с трудом, грудь вздымается неровно, будто легкие отказываются принимать воздух. Он вырывается прерывисто, горячими толчками.

Служанки вокруг устало вытряхивают пыль из одежды. Их движения привычные.

А я ничего не могу.

Бессилие накатывает волной, давит тяжелее, чем груз мокрого белья. Плечи опускаются сами, будто кости вдруг стали мягкими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.